

Павел I и «вольные каменщики»

Ю.А. Сорокин

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. в отечественной исторической литературе появился ряд публикаций, посвященных так называемому «политическому масонству» начала XX века¹. Интерес к проблеме вызвал поток не только научных, но и квазинаучных сочинений, причем именно последние стали определять тот социальный фон, на котором разворачивалась деятельность профессиональных историков. Были переизданы и классические труды по истории российского масонства². Появились сборники статей и отдельные публикации о масонах откровенно апологетического содержания³, хотя в обыденном сознании (в меньшей мере — в научном сообществе) возобладали преимущественно негативные оценки их деятельности в России, во многом аналогичные положениям, высказанным еще в 1932 г. председателем Архиерейского собора Русской православной церкви за границей митрополитом Антонием. Православный священник писал, в частности: «Одним из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества является масонство... Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, с христианством, с Церковью, с национальной государственностью и особенно государственностью христианской»⁴. Конечно, современные ученые с большей осторожностью рассуждают о всемирном масонском заговоре или о гибели Российской империи в результате деятельности масонских лож, но некоторые авторитетные историки признают негативные последствия влияния масонства на русскую культуру и русскую политическую жизнь.

Естественно было людям, изучавшим «политическое» масонство начала XX в., обратиться и к более ранним периодам его истории, в частности, к «золотому веку» российского масонства — XVIII столетию. Материалы этой эпохи предоставили широкий простор для многочисленных философских и исторических спекуляций, связанных с деятельностью масонских лож в России. Одна из самых популярных — возможное масонство великого князя и наследника российского престола, а с ноября 1796 г. российского императора Павла Петровича.

За последние два десятилетия в России подготовлено огромное количество публикаций и о Павле I, и о Екатерине II. Масонская проблема в этой связи не обойдена вниманием. Наметилась любопытная закономерность: те

Сорокин Юрий Алексеевич — доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета.

авторы, которые высоко оценивают деяния Екатерины II, признают и гонения на масонов в ее царствование (иногда косвенно) вполне оправданными, а следовательно, деяния масонов расцениваются как некое зло. Признавая, что Павел I перекинул многое из сделанного Екатериной, эти авторы склонны гиперболизировать его связь с масонскими ложами. Для них Павел в сравнении с Екатериной плох уже потому, что он тесно связан с масонами. К примеру, В.С. Лопатин без всяких сомнений называет Павла «царем-масоном» на том основании, что новый император с первых дней окружил себя масонами, приступил к опусачиванию русской армии (главным его помощником в этом деле выступил масон Н.В. Репнин), боялся народного героя А.В. Суворова, наложив на него «неожиданную и вдвойне несправедливую опалу»⁵, и т.п.

Историки, пытающиеся отойти от преимущественно негативных оценок павловской эпохи, не склонны ставить вопрос о возможном масонстве Павла вовсе, чтобы не добавлять негативных характеристик своему герою. А.М. Песков, автор книги о Павле I, изданной в серии «Жизнь замечательных людей», прямо указывает: «Масонство Павла — особый сюжет, не вмещающийся в основной корпус анекдотов, документов и комментариев, из которых составлена эта книга, — потому, что это сюжет для чуждого нам мифа, предполагающего поиск тайных подругов вне нас»⁶.

Историографическая ситуация осложнена еще и тем, что достоверных исторических источников как о деятельности масонов в России вообще, так и о масонстве Павла I в частности, до наших дней почти не дошло, что позволяет авторам смело, в зависимости от своих научных и политических симпатий, интерпретировать отдельные правительственные указы, свидетельства мемуаристов, эпистолярное наследие и пр. Прав Л. Хасс, призывавший коллег: «Именно в наши дни необходим, как никогда раньше, спокойный и взвешенный подход к разбираемой теме, не “разоблачения”, а объективный анализ. Поэтому сейчас необходимо прежде всего уделить глубочайшее внимание источниковедческому, методологическому и методическому вопросам истории русского масонства»⁷. Увы, призыв почтенного исследователя отказаться от излишней политизации данной проблематики практически не был услышан. Мифы о масонах, пережившие столетия, продолжают тиражироваться и в наши дни⁸. Нелишне поэтому разобрать высказанные в литературе представления о русском масонстве последней трети XVIII в. и о возможном членстве в масонских ложах Павла Петровича.

Правоммерно выделить два подхода к решению вопроса о природе и сущности масонства. Первый связан с абсолютным отрицанием каких бы то ни было положительных черт у масонов. Начало этой традиции в России заложила Екатерина II. Считается, что она является автором брошюры «Гайшы противонелепого общества» (1780 г.), в которой масонство откровенно высмеивается как «болтанье и детская игрушка». В первой половине 1786 г. в Эрмитажном театре были поставлены три комедии, разоблачавшие «мартышек» («Обманщик», «Обольщенный», «Шаман Сибирский»). Императрица с гордостью писала своим иностранным корреспондентам об огромном успехе ее пьес. Понятно, что в Петербурге масонов начали высмеивать и порицать. Отзывки этого порицания зафиксировал А.С. Пушкин: «Старушки бранят повес франкамасонами и волтерьянцами — не имея понятия ни о Вол(тере), ни о фр(анмасонстве)»⁹. По В.И. Далю, «фармасон» в живом великорусском языке есть «вольнодумец и безбожник»¹⁰. В обществе распространились слухи, что масонские ритуалы не только богохульны, но и кровавы¹¹. Разгром московских масонов в 1792 г. и расправа над Н.И. Новиковым подытожили екатерининскую политику по отношению к «вольным каменщикам». В последующие времена отношение к масонству имело характер исключительно эмоциональный, а не познавательный. Н.А. Бердяев отмечал, что в XX в. «вопрос о масонстве ставится и обсуждается в атмосфере культурного и нравственного одичания, порожденного политическим ужасом перед революцией... Розыск агентов “жидомасонства”, мирового масонского заговора, имеет

ту же природу, что и розыск большевиками агентов мирового контрреволюционного заговора буржуазии. Тонком никто ничего о масонстве не знает. Обличители масонства питаются подметными листами, крайне недоброкачественными и рассчитанными на разжигание страстей, написанными в стиле погромной антисемитской литературы»¹².

Пояснения Бердяева применимы не только к русской эмигрантской литературе. В Советском Союзе о масонах и масонстве писали не только ученые, но также, едва ли не в большей степени, журналисты и политические обозреватели. Примером может служить книжка собственного корреспондента газеты «Правда» в Италии Г.Р. Зафесова, изданная в серии «Империализм. События. Факты. Документы»¹³. Автор обличил «невидимое» влияние масонства, «претендующего ныне не более и не менее как на вершителей судеб стран и народов». Эта традиция сохраняется и в современной России. С 1996 г. издается серия историко-архивных сочинений под названием «Герниковый венец России», О.А. Платонов, книги которого, как следует из аннотации, посвящены «изучению тайной войны против России западных иудейско-масонских организаций и спецслужб»; издал в этой серии весьма объемный труд (91 нл.), заголовки разделов которого прекрасно передают его содержание, например: «Цели и задачи преступного сообщества масонов», «На путях заговоров и революций», «Связи масонов с еврейскими большевиками» и т.п.¹⁴ Подобные издания рассчитаны в первую очередь на массового читателя, на утверждение в обыденном сознании определенных стереотипов и клише. Добросовестные исследователи брезгуют такого рода сочинениями, обходят их презрительным молчанием, и, может быть, напрасно.

Другая традиция в отношении природы и сущности русского масонства представлена трудами крупнейших русских историков и философов, среди них В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, прот. Г. Флоровский, Р.В. Иванов-Разумник, В.В. Зеньковский, М.Н. Логинов, А.Н. Пыпин, Г.В. Вернадский и др. Они по-разному понимали идеологию и мировоззрение русских масонов, дали неодинаковое толкование их практической деятельности (прежде всего Новикова), каждый по-своему оценивали вклад масонов в формирование русской культуры. Их построения роднит одна общая черта: они считали масонство в России явлением далеко не случайным, подходили к его изучению как к изучению особого социально-политического и культурного феномена, пытались опереться на источники. Масонство для них не мифический объект изучения. При таком подходе отпадает надобность говорить о борьбе масонов с «христианской государственностью», о подрыве ими политического режима Екатерины II, о претензиях масонов на мировое господство, о засилье еврейского начала в масонстве (по крайней мере, применительно к XVIII в.) и проч. Но счастье, традиция научного изучения истории русских масонов не прервалась и в наши дни¹⁵. Существуют и цельные популярны статьи о масонах¹⁶.

Суммируя высказанные философами и историками мнения, получим следующие представления о сущности и природе масонства, утвердившиеся в научной литературе. Век просвещения породил в России увлечение европейскими философскими конструкциями. Любимым автором Екатерины, а вслед за ней и большинства русской читающей публики, стал Ф. Вольтер¹⁷. Понятия «вольтерьянец» и «вольнодумец» стали синонимами. Быть таковыми стало и модно и престижно — подданный, по принципу «мир живет примером государя», лишь угождался императрице. Но, с гордостью называя себя «вольтерьянкой», Екатерина должна была соотносить свои идейные убеждения (если признавать наличие таковых) с делами управления огромной империей, с необходимостью укреплять существующий политический режим. Поэтому русский вольтерьянец не мог и не желал следовать идеям выдающегося французского мыслителя в полном их объеме. По мнению Милюкова, сама Екатерина продолжала понимать вольтерьянство «в более узком и низменном смысле эпохи своего детства: в смысле победы «здорового смысла» над «суеверием» — в смысле легкой чистки человеческих мозгов, а

не упорной борьбы за реформу человеческих учреждений и верований»¹⁸. Под понятия «суеверия» и «предрассудки» русские вольтерьянцы готовы были подвести православие, Русскую православную церковь, традиционную мораль, принятую в обществе систему ценностей, стереотипы поведения и многое другое. Отсюда — превращение отрицания в этический принцип, норму жизни, когда отрицание смысла, релятивизм становится сущностью и оправданием существования самого вольтерьянства. В представлениях XIX в. вольтерьянец характеризовался такими чертами как поверхностность, насмешливость, критицизм, склонность к отрицанию и разрушению авторитетов, эгоизм, тщеславие, отсутствие понятия о долге и жертве¹⁹.

Впрочем, справедливости ради отметим, что русский дворянин самого Вольтера, как правило, не читал, а всего лишь следовал примеру государыни или новой моде. «Новые идеи служили доказательством утонченного образования в высших кругах светского общества. Какой-нибудь князь X или граф Y сообщал в кружке гостей самую последнюю парижскую новость, привезенную с только что полученной почтой или лично услышанную за границей. Бога, оказалось, вовсе нет, а попы и монахи — простые шарлатаны. Эти самоповейшие открытия “философов” разносились сливками петербургского общества с таким же усердием, с каким они привыкли разносить городские сплетни и слухи», — писал П.Н. Милюков²⁰.

Однако действительно думающие и читающие русские люди, искренне возражая против «мнимой набожности» и никогда не путая философское наследие Вольтера с «русской карикатурой» на французский оригинал, не могли долго разделять взгляды, так ярко описанные Милюковым. В лучшем случае для них это было сиюминутное увлечение, игра. В этом смысле характерна эволюция взглядов Д.И. Фонвизина. В Петербурге, попадая в тон веселой кампании, он смеялся и вышучивал православие. Но, посетив Москву, побеседовав с Г.Н. Тешовым, пережив настоящий духовный кризис, Фонвизин сделался «стародумом», идеализируя, в частности, московскую старину. Другой молодой человек, И.В. Лопухин, не удовлетворившись только сочинениями Вольтера, проштудировал других французских философов, в частности фундаментальный труд П. Гольбаха (материалиста и атеиста, идеолога французской буржуазии²¹) «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного», сделал из него переводы, но затем сжег их и во искушение написал рассуждение «О злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями». Подобно Фонвизину, Лопухин искал спасения в вере, но нашел его не в православии, а в масонстве. Этим же путем пошли Н.И. Новиков, И.П. Елагин и другие виднейшие русские масоны.

Вывод Милюкова о том, что от вольтерьянства возможна эволюция либо к православию, либо к масонству, как будто разделяется всеми современными специалистами²². Отсюда происходит важнейшая составляющая русского масонства — его близость к христианству, по крайней мере, с точки зрения самих «вольных каменщиков». На вопрос немецких масонов их русские братья твердо ответили, что обряды греко-российской церкви так сходны с масонскими, что нельзя сомневаться в том, что они имеют один источник²³. Московский митрополит Платон, испытав твердость в вере Новикова, доносил Екатерине, что молитв Бога, «дабы во всем мире были христиане таковые, как Новиков». При этом Платон осудил «пусные и уродливые порождения так называемых энциклопедистов»²⁴. Впоследствии Лопухин, ставший одним из самых заметных русских масонов, написал работу «Нравственный Катехизис истинных франмасонов». Вот выдержка из него:

Вопрос: «Какова цель Ордена истинных франмасонов?»

Ответ: «Главная его цель та же, что и у Христианства».

Вопрос: «В чем должна главным образом заключаться деятельность истинного франмасонства?»

Ответ: «Следовать Иисусу Христу»²⁵.

Кто стремится сделаться масоном, по Лопухину, должен ставить целью проникновение «всего себя Страхом Божеским и применение этого в по-

ступках, тщательное следование всем законам, указанным в Евангелии... Усердно и верно следовать всем догматам и наставлениям своей религии. Только принадлежащие к христианской религии могут быть допущены в общество Рыцарей искателей истины»²⁶. Стало быть, для русских образованных людей, подобных Новикову и Лопухину, масонство есть религия и вера, но только очищенная, облагороженная разумом. Масонство для них есть «духовное христианство».

Одновременно, по мысли В.В. Зеньковского, масонство было явлением внецерковной религиозности, свободной от всякого церковного авторитета. В итоге, с одной стороны, масонство уводило от «вольтерьянства», с другой стороны — от церкви. Русские масоны были «западники», они ждали откровений и наставлений от «западных» братьев, поэтому положили так много труда для приобщения русских людей к огромной религиозно-философской литературе Запада²⁷. Масонство полагает себя вместилищем надисторической и универсальной религиозности, основанной на внутренней уверенности в существовании общечеловеческого нравственного закона. Приоритетным для масонов, по мнению М.И. Микешина, является воспитание и образование, а не борьба за нового человека; убеждение, а не принуждение; прощение, а не месть. Масонство предполагает пройти путь, но не претендует на обязательность²⁸.

Верно и то, что во второй половине XVIII в. традиционное православие удивительным образом сочеталось в умах и думах — и не только у масонов — с верой в магию, кабалистику, оккультизм, алхимию и пр. Все большую роль в масонстве играла мистика. Все это вкупе обычно называлось оккультными науками. Их ядром служили так называемые «герметические» науки — по имени Гермеса Трисмегиста, которому приписывалось изобретение письменности, наук и искусств. Среди «герметических» наук на первый план выходили алхимия, позволявшая найти философский камень и на его основе создать панацею — всеобщее лекарство для людей, и астрология, покоящаяся на вере в зависимость людских судеб от движения небесных тел. Масоны различали науки древние и современные (для XVIII в.). К первым относили магию, то есть сверхъестественную способность человека воздействовать на живую и мертвую природу, и ее разновидности: теургию (возможность избранных общаться с богами и духами) и каббалу (поиск смысла всех вещей в буквах и цифрах, исцеляющих средств в амулетах и формулах — отсюда происходила вся масонская символика). Среди современных наук масонов заинтересовал так называемый «животный магнетизм», открытие которого приписывали французскому врачу Месмеру.

Для христианских церквей все вышесказанное обозначается как суеверие («тщета мирская», по Далю) и ни при каких условиях не может быть одобрено. В силу указанных обстоятельств не только Русская православная церковь, но и католическая церковь в лице папы римского не могли принять деятельность масонских лож. Приято считать, что папа Клементий XII специальной буллой от 24 апреля 1738 г. установил, что «принадлежность к масонству несовместима с католической верой и ведет к немедленному отлучению от церкви»²⁹. Именно поэтому иезуиты, после роспуска их ордена пригнанные в России Екатериной, сделались врагами масонов³⁰; русские православные иерархи возвышают свой голос против масонов вплоть до сегодняшнего дня³¹, и так же поступают католические священники³².

С точки зрения многих авторов, мораль масонства была хорошо проработана. Основу ее составили нравственное совершенствование личности (по крайней мере для низших степеней посвященных) на основе стремления к добру, самопознания и избегания зла. В пику вольтерьянству, в масонстве существовал запрет на смех (высмеивание других), ибо это разрушало братскую любовь. Надлежало также избегать чувственных удовольствий, в том числе чревоутодия и физической близости, смиренно сносить бедность и болезни. С.Е. Юрков полагал, что земной мир, плоть и сатана связаны в масонской идеологии и морали неделимым единством. Этот мир для масонов есть зло.

царство антихриста, поэтому и все явления государственного мира, в том числе искусство и наука, есть дьявольское порождение, нравственное зло³³. Подобный вывод вызывает возражение. Масоны признавали наличие зла в мире и обществе и пытались бороться с ним разнообразнейшими способами, но они, конечно, не отрицали этот мир, подобно альбигойцам, исмаилитам или богомилам. Жесткая нравственная требовательность масонов и их широкая благотворительная деятельность — лишнее тому подтверждение.

Увлечение масонов мистикой и оккультизмом приводило к стремлению окутать свою деятельность таинственностью. Природу ее, с позиций семиотических, вскрыл Юрков. По его мнению, таинственность есть центр повышенного внимания, область «сверхзначимости». С психологических позиций, тайна — напоминание о том, что не все в мире доступно рациональному познанию, что существует сфера неподвластного разуму вечного «иного». С психологической точки зрения таинственность есть балансирование на грани бытия и небытия, знание о котором способно перевернуть реальный мир. Все это обостряется в атмосфере присутствия смерти — отсюда и вся масонская обрядность с кровью, черепами, скелетами, раскаленным железом, черным цветом, надписями «memento mori» и прочими ужасами. Именно поэтому масон «чужд» этому миру, в то время как вольтерьянец просто «другой». Таинственность всегда серьезна и всегда значительна. Отсюда и страх, который вызывали масоны у обывателя и который трактуется исследователями как «благоговейный», «суеверный», «папичский». Одновременно таинственность есть способ оторваться от все более проникающего в частную жизнь подланных государственного пачала³⁴.

Впрочем, русские масоны, по словам Новикова, зачастую пользовались «масонством как игрушкой, ужинали и веселились». Другой известный русский масон, Елагин, признавал, что заседания лож сводились к непопулярным обрядам и пьянству. В этом случае масонские лож превращались в своеобразные клубы с бильярдом и обильными возлияниями, в которых можно было, однако же, завязать полезные знакомства. В целом, как справедливо указывает Хасс, масонская организация была прежде всего местом, где могли встречаться и общаться без предвзятости, в атмосфере полного доверия люди различных взглядов и убеждений³⁵. Возникло также несколько организаций, по форме близких к масонским, но не являвшихся таковыми. Одну из них основал П.И. Мелиссино, занимавший при Екатерине II должность директора Адмиралтейского императорского кадетского корпуса. Речь идет о знаменитом «Филладельфийском обществе». Историк великий князь Николай Михайлович полагал, что в этом обществе великосветские повесы, вроде братьев Зубовых, «проходили курс всевозможных беспутств под опытным руководством старого сатира Мелиссино»³⁶.

Историки много спорят об организации масонских лож, их численности и составе. Отвечая на этот вопрос, следует всякий раз делать определенную хронологическую привязку, ибо ситуация в России второй половины XVIII в. менялась с калейдоскопической быстротой. Обычно называют цифру 187 лож четырех направлений: английское (глава Елагин), шведское (глава А.Б. Куракин), рейхельское (глава барон Рейхель, затем Елагин), берлинское (глава И.Г. Шварц). В свою очередь, в направлениях принято выделять виды: мартинисты, розенкрейцеры и т.п. По мнению Юркова, русские масоны не поднимались выше третьей степени посвящения, в то время как в некоторых ложах степеней (градусов) насчитывалось 33, а иногда и 99³⁷.

О причинах разгрома масонских лож и расправы над Новиковым в литературе высказаны различные мнения. Б. Телетнев склонен был ставить вопрос в такой плоскости: «На первый взгляд кажется странным, чтобы орден, проповедовавший верность монарху, нравственную жизнь и веру в Бога, был бы столь преследуемым... Но разные причины соединились вместе, чтобы превратить императрицу во врага масонства». Среди них историк называет следующие: Петр III был масон, как и его ближайшее окружение, ненависть к мужу перенесена на масонов; прусский король Фридрих Великий,

сделавшийся главой германских масонов, одновременно «заклятый враг» Екатерины, а русские «братья» подчинились германским; иезуиты, к которым Екатерина относилась с нескрываемой симпатией, были противниками масонов; императрица «не презирала» французских либеральных философов, с мнениями которых боролись русские масоны³⁸. Ряд историков высказал мнение о том, что Екатерина рассматривала масонов как последовательную оппозицию своему царствованию. Вернадский считал эту оппозицию консервативной, Хасс полагал, что масонство объединяло людей «всех оттенков либерального мировоззрения»³⁹. Во всяком случае Екатерина, не находя различий между отдельными направлениями и видами масонства, склонна была объявлять масонами всех своих противников, истинных или мнимых. В число подозреваемых в масонстве попал даже Г.Р. Державин, нектати переведший на русский язык 81-й псалом Давида с обращением к Богу: «Приди, суди, карай лукавых // И будь один царем Земли». Милюков высказал оригинальную точку зрения, согласно которой Екатерина не обращала на масонов никакого внимания, пока они занимались внутренним самосовершенствованием или таинственными алхимическими опытами. Но масонство как частное общество с задачами общественного характера, как организованная общественная сила, располагавшая крупными денежными средствами, распространявшая свою литературу по всей России, сильная своим влиянием на общество и крепкая внутренними убеждениями (именно такой становилась организация Новикова), не могло существовать в самодержавной России⁴⁰. С точки зрения И.Ф. Худушевой, Екатерина II испугалась не только политических программ масонов, но и сугубо религиозно-этической литературы, издаваемой ими, испугалась не деистов или нигилистов, а людей искренне верящих⁴¹, и именно потому, что сама была плохой христианкой.

Однако преобладает мнение, что судьба русских масонов в век Екатерины «была более всего следствием подозрений, возбужденных в Екатерине отношением их к ее наследнику»⁴². Связь цесаревича Павла Петровича с масонами и возможное посвящение его привели, по их мнению, с одной стороны, к разгрому московских мартинистов и роспуску масонских лож в целом по стране, с другой — к попыткам императрицы передать корону внуку Александру в обход законного наследника Павла. Нетрудно заметить, что при таком подходе вопрос о возможном членстве Павла в масонских ложах из частного трансформируется в кардинальный, связанный с поисками оптимальных путей развития страны, формированием государственной идеологии, вопросами престолонаследия и пр.

Так был ли Павел Петрович членом масонских лож? Ответ на этот вопрос, казалось бы, очевиден. Ведь изучены социально значимые качества личности цесаревича, его политические идеалы, отношения с матерью и большим двором, его ближайшее окружение, проведен качественный анализ текста его сочинений, исследована, наконец, политика Павла в качестве императора. Как бы ни понималась сущность масонства (в том числе: приверженность к антихристу, враждебность православной государственности, «своего рода моральный интернационал», «толстовство XVIII в.», «инициальная школа», нравственная теория, занятия оккультными науками, духовное христианство и проч.), оно будет находиться в кричащем противоречии с его личными свойствами, его политическими идеалами и симпатиями, деяниями в качестве цесаревича и государя.

Тогда откуда же твердое убеждение многих историков в его масонстве, перекочевавшее затем в популярную литературу и ставшее фактом обывательского сознания?

Ряд авторов полагает, что среди учителей юного великого князя было много масонов. Среди них обычно называют П.И. Панина, Т.И. Остервальда, С.И. Плещеева, С.А. Порошина и др. Видными масонами стали друзья детства цесаревича, росшие и воспитывавшиеся зачастую рядом с малельким Павлом, например, князь Куракин. Особняком в этом ряду стоит фигура графа П.И. Панина, главного воспитателя наследника, дружбу с которым

Павел Петрович пронес через всю жизнь и перед памятью которого благоговел. Граф Никита Иванович также заметная фигура в масонских кругах. В окружении Павла Петровича после его совершеннолетия и женитьбы историки продолжают находить немало масонов. Вернадский намекает на связь масонов с Марией Федоровной, второй супругой Павла, полагая, что Н.И. Панин именно поэтому обратил внимание на ее кандидатуру в жены наследника престола⁴². Установлено, что, едва сделавшись императором, Павел I призвал к себе из Литвы влиятельного масона Репнина, получившего вскоре чин фельдмаршала, из Москвы — Куракина, секретарем государя сделался Лопухин; словом, Павел Петрович был окружен масонами чуть ли не с рождения до гробовой доски. Отсюда делается вывод не только о заметном влиянии на Павла носителей масонской идеологии и морали, прежде всего братьев Папиных, но и о том, что мировоззрение цесаревича оказалось деформировано масонами.

Считая все приведенные выше факты доказанными, соответствующими действительности, нельзя вместе с тем не видеть и другого. Воспитателей и учителей ему подбирала сама Екатерина II. Она же утвердила Н.И. Папина главным воспитателем. И если среди воспитателей и кавалеров Павла оказалось много масонов, то не его бы в этом обвинять. Похоже, императрицу в данном случае более интересовали профессиональные и человеческие качества учителей, а не их участие в масонских ложах. Наконец, и свобода совести не была совершенно чужда Екатерине об эту пору. Разумеется, придворные назначались к великокняжескому двору с согласия государыни; среди них были и друзья детства, ставшие впоследствии масонами. Все эти люди были избраны Екатериной, именно ими ей угодно было окружить сына. Когда же сам Павел получил возможность выбирать, в его ближайшем окружении появились Аракчеев, Обольянинов, Кологривов, Линденер, Капшабих и другие «гатчинцы», которых никогда масонами не считали. Кстати, именно они, а не Репнин, Куракин, Лопухин и уже с ними играли главные роли в царствование Павла I. Итак, Павел Петрович действительно был близко знаком и даже дружен со многими масонами, но нелогично делать из этого вывод о масонстве Павла.

Доказано, что учитель и ученик, Н.И. Панин и Павел Петрович, придерживались совершенно разных взглядов на самодержавие, конституцию, дворянское самоуправление и пр. Политическое кредо цесаревича — самодержавие, Панин же предпочитал аристократическую конституцию. Если уж Панин не смог привить царственному воспитаннику свои политические симпатии, то на каком основании можно утверждать, что он передал масонские? Понятные человеческие чувства наследника — любовь и признательность к человеку, фактически заменившему отца, — вдруг сделались основанием для вывода о масонстве Павла Петровича.

Желание подтвердить масонство Павла особенностями его окружения и воспитания нередко играет с исследователями злую шутку. Вернадский писал о желании консервативной оппозиции, то есть масонов, найти в цесаревиче истинного государя и об их усиленной переписке с Павлом начиная с 1769 г.⁴³, то есть с того времени, когда великому князю шел пятнадцатый год. Опираясь на утверждения этого историка, многие современные авторы склонны говорить о масонстве Павла чуть ли не с этого времени, забывая, что детей в масонские ложи не принимали. Вернадский ставил вопрос в иной плоскости: масоны связывали свои надежды с будущим государем, рассчитывая медленно и постепенно укрепить свое влияние на него, а пока «составить как бы священную охрану *своего* (выделено Вернадским. — Ю. С.) государя — цесаревича, защищая его от всех возможных случайностей дворцовой интриги»⁴⁴. Формулируя тезисы к своей диссертации «Русское масонство в царствование Екатерины II», Вернадский собирался защищать положение о том, что «масонство было тесно связано — или, по крайней мере, стремилось себя тесно связать — с цесаревичем Павлом Петровичем. Он и был для масонов реальным воплощением «Святого царя», их утопий; утопии эти появляются в те же 1784—1785 гг., когда усиливаются попытки новиковского кружка

завязать постоянные сношения с цесаревичем»⁴⁵. Из приведенных выдержек совершенно неясно, когда же масоны пытались «уловить» Павла в свои сети: в 1769 г. или пятнадцать лет спустя? И если в 1784—1785 гг. масоны, по Вернадскому, еще только усиливают попытки завязать постоянные отношения с наследником, не означает ли это, что до этого времени все их попытки заканчивались безрезультатно? Вернадский прав, когда утверждает, что для масонов «указанный Святым Промыслом Государь это — Павел Петрович, спасать его от угроз и давать обещание масон шведской системы. Десница истинного масона должна была поддерживать не лицо, сидящее на престоле, а, наоборот, — от этого лица охранять истинного государя, наследника — претендента»⁴⁶. Никто и не возражает против того, что масоны связывали с восшествием на престол Павла определенные надежды — но это не означает, что сам Павел давал им для этого поводы. Все дело в том, что только он — законный наследник и в этом качестве россияне присягнули ему еще в 1762 году. Другого «указанного Святым Промыслом Государя» в России в это время еще не имелось; естественно, что свои планы масоны строили в расчете на великого князя.

Указывалось, что Павел не был пассивным зрителем, с безразличием наблюдавшим за деяниями масонов, а напротив, видел в них политических союзников и покровительствовал им, рассчитывая с их помощью «быстрее овладеть тронном». Подобные построения в своей основе имеют тезис о том, что Павел Петрович, не удовлетворенный имеющимся статусом, готов был вступить в борьбу за свои права, опираясь и на тайные масонские организации. В действительности цесаревичу (факт твердо установлен) не нужен был престол любой ценой. Участия Павла в заговоре и дворцовом перевороте, аналогичном перевороту 1762 г., императрица никогда не боялась. Лучшее подтверждение этому — наличие гатчинских войск. По спискам на 1796 г. они состояли из 2399 человек, в том числе в пехоте — 1675 человек (74 офицера), в кавалерии — 624 (40 офицеров), в артиллерии — 228 человек (14 офицеров). Подчинялись гатчинские батальоны только Павлу. Для сравнения: считается, будто Елизавета Петровна совершила удачный дворцовый переворот, имея под рукой лишь 80 преображенцев. Доброхоты напоминали Екатерине, что маневры павловских войск проходят слишком близко от ее резиденции, которую охраняли лишь 20 казаков, и возможны нежелательные эксцессы, но государыня лишь посмеивалась. Что же, она была так наивна, что не пугалась трех батальонов, преданных Павлу, но испугалась Новикова, «старичонки, скрюченного гемороидами», по слову графа К.Г. Разумовского, и его связей с Павлом, на поверку оказавшихся едва ли не вымышленными? Уверенность императрицы в том, что сын никогда не забудет своего долга по отношению к ней, кроется в личных качествах великого князя. Мать, зная их и его кредо: «Я — подданный российский и сын императрицы российской», вполне полагалась на преданность и стремление Павла Петровича к законности⁴⁸. Иначе говоря, ему не нужны были союзники в борьбе за престол ни со стороны масонов, ни со стороны А.В. Разумовского (последний впоследствии признавался, что делая намеки Павлу на возможный переворот в его пользу), ни со стороны европейских монархов — именно потому, что он не вел вообще никакой политической борьбы, да и главным своим врагом он считал вовсе не мать, а Г.А. Потемкина, занявшего в империи то место, которое надеялся получить наследник.

Если, вслед за Е.С. Шумигорским, Т.О. Соколовской, В.С. Лопатиным и др., признавать Павла Петровича масоном, то возникает вопрос о том, когда же именно царевич сделался «вольным каменщиком». Большинство авторов предлагают различные варианты вероятного вступления великого князя в масонскую ложу, все они укладываются в период 1776—1782 гг. — время «наибольшего распространения масонства в России в XVIII веке», по Т.А. Бакуниной.

По одной из версий, он сделался масоном во время своей заграничной поездки в 1776 г., когда ездил в Берлин за невестой и был встречен Фридрихом II с тяжелой прусской помпезностью. Основанием для такого мнения

стала известная специалистам брошюра с названием, которое в русском переводе звучит так: «Вступительная речь к принятию Святой Императорской Мастерской Российского Великого Князя в Фридрихсвилде 6 августа 1776»⁵².

По версии Шумигорского (его позицию разделяет В.И. Сергеев⁵³), наиболее вероятной датой будет лето 1777 года. Посвящение Павла произошло под влиянием речей Н.И. Панина и Куракина в Петербурге, принят он был сенатором Елагиным *калейно*, в собственном его доме, в присутствии П.И. Панина. Основанием для подобного утверждения служит цитируемая со ссылкой на В.И. Семевского записка особой канцелярии Министерства полиции, имеющая, по Шумигорскому, характер официального документа. Ссылка на Семевского имеет у Шумигорского следующий вид: «Минувшие годы. 1807, II, 71»⁵⁴. Сергеев о публикации Семевского не упоминает вовсе. Что означает указание на 1807 год? Если Семевский просто упоминает об этой записке в своих трудах, в свою очередь ссылаясь на публикацию 1807 г., то все же остается загадкой, кто и когда ее опубликовал. Министерства же полиции не существовало ни в 1776, ни в 1807 году⁵⁵.

Наконец, высказано еще предположение, что Павел Петрович мог стать вольным каменщиком и в 1782 г., во время своего заграничного «ревю», когда он с женой под именем графа и графини Северных посетили ряд европейских стран.

Кроме Н.И. Панина и Куракина, среди лиц, приведших Павла к масонству, в зависимости от даты предполагаемого вступления чаще всего называют имена принца Генриха Прусского и шведского короля Густава III. Впрочем, последнего цесаревич не любил и даже презирал.

Подчеркнем, что три эти даты приводит, как правило, один и тот же историк в одной и той же работе. Не является ли очевидным, что для этих исследователей они являются не реальными, а лишь предполагаемыми, возможными датами вступления Павла Петровича в масонскую ложу. Однако бурные события, связанные с деятельностью Новикова, заставляют нас отказаться от любой даты вступления Павла в масонские ложи в период с 1776 по 1782 г., и вот почему. Масоны, как видно из источников, пытались напомнить о себе великому князю, действуя через архитектора В.И. Баженова, известного Павлу с детства. По их поручению Баженов трижды встречался с Павлом Петровичем (в 1784, 1787 и 1791 гг.) и преподносил ему изданные Новиковым книги религиозного содержания. В разговорах с цесаревичем архитектор, по мнению Новикова, «много врал и говорил своих фантазий», то есть сопровождал изложение масонского учения собственным политическим комментарием⁵⁶. Во время третьего визита Баженов был встречен Павлом с «превеликим гневом», при этом цесаревич заявил: «Я тебя люблю и принимаю как художника, а не как мартиниста, о них же и слышать ничего не хочу и ты рта не развай о них говорить»⁵⁷. Начавшееся следствие по делу Новикова вскрыло контакты мартинистов с великим князем, по крайней мере, шедшие через Баженова. Екатерина отнеслась к этому факту чрезвычайно болезненно. Следствию было поручено выяснить: «удовляжи» ли и «удовили» ли мартинисты в свои сети «известную особу» (наследника). К следствию был подключен С.И. Шешковский, глава Тайного департамента Сената. Материалы следствия незамедлительно поступали к государыне. Естатс-секретарь Храповицкий, знакомый, естественно, с реакцией Екатерины, зафиксировал в своем дневнике, имея в виду Павла: «Он еще не масон»⁵⁸. Именно поэтому сурово обошлись лишь с Новиковым; прочие фигуранты, Грубецкой, Лопухин, И. Тургенев, Баженов, фактически не пострадали. Масонские ложи были прикрыты.

Материалы следствия убедили Екатерину и должны убедить нас: в 1792 г. Павел Петрович «еще не масон»; стало быть, все рассуждения об его обращении до 1792 г. — лишь досужие вымыслы. Трудно понять логику авторов, и дореволюционных, и современных, которые рассуждают о масонстве Павла в 1776—1782 гг. и тут же приводят выдержку из Храповицкого и реакцию Екатерины на материалы следствия по делу Новикова. Между тем «неопровер-

жимым доказательством принадлежности к ложе являются только членские списки лож... Историк обязан отличать организационные масонские документы в строгом смысле этого слова от всяких других масонских бумаг, вроде докладов на заседаниях лож, заметок и т.п. К обнаруживаемым в таких источниках сведениям о масонстве тех или иных лиц обязателен сугубо критический подход»⁵⁹. Таких документов, касающихся Павла, до сих пор не найдено⁶⁰.

В ходе следствия над Новиковым Екатерина обратилась к сыну за разъяснениями. Великий князь с негодованием отверг мысль о своем масонстве, назвав ее «клеветнически-лакейской», масонскую же теорию Павел назвал «нагромождением бессмысленных слов». В другой раз слухи о своем масонстве цесаревич обозвал «сплетнями передней», причем сделал это в дружеской, неформальной обстановке, а вовсе не перед лицом государыни или ее доверенных лиц. Екатерина же признала, что на великого князя «посквиль склепан»⁶¹. Однако, кто же автор «посквиля»? Милюков предлагал такой ответ на этот вопрос. Светлейший князь Г.А. Потемкин, намереваясь «вырвать зуб», то есть скомпрометировать екатерининского фаворита П.А. Зубова, должен был доказать императрице свою незаменимость не иначе как спасая ее от смертельной опасности. Случай представился с началом русско-турецкой войны, в ходе которой у России испортились отношения с Пруссией и Швецией. Властители этих стран сильно покровительствовали масонам, а русские масоны поддерживали связи со своими «братьями» в этих странах. Поскольку же Павел имел контакты с масонами («довольно невинные», по Милюкову; Баженов, например, отстраивал наследнику Каменноостровский дворец) и состоял в переписке с русским послом в Берлине бароном Алюпеусом, также масоном, возникла любопытная коллизия, позволявшая Потемкину держать императрицу в постоянном страхе. Остальное, по мнению Милюкова, доделали слухи, описи другого пеллееса: благотворительная деятельность мартинистов в 1787 г., когда Новиков спас от голода сотни крестьян, подавалась как намерение «опереться на низшие классы»; Павлу помогут взойти на престол, а Екатерину устроят и т.п. У Потемкина, если верить Милюкову, был готов даже ответ на вопрос, где мартинисты возьмут деньги: «Очевидно, масоны делают фальшивые ассигнации»⁶². В любом случае предполагаем масонство наследника служит цели скомпрометировать цесаревича в глазах императрицы и одновременно скомпрометировать Павла в глазах двора, света, верхушечного слоя русского дворянства.

Таким образом, ни один из авторов, признающих масонство Павла Петровича, не в состоянии обосновать дату его обращения ни ссылкой к авторитетному документу, ни историческими фактами, выстроенными с безупречной логикой. Более того, эти авторы ни слова не могут сказать о деятельности Павла Петровича в масонских ложах, об его участии в масонских церемониях и обрядах. Даже портреты Павла, на которых он изображен с масонской символикой, по мнению Бакуниной, написаны были уже в XIX столетии⁶³ и, в силу этого, не могут служить доказательством масонства Павла. Естественен также вопрос — в какую именно ложу вступил он и к какому направлению в масонстве примкнул? И на этот вопрос ответа не дастся, исключая разве что откровенно фантастические, вроде того, что цесаревич был, по данным П. Морана, илюминатом (иллюминатов в России не было вовсе) или состоял членом ложи «Малый свет» в Риге.

Остановимся еще на некоторых аргументах, высказанных в литературе в поддержку тезиса о масонстве Павла.

Многие тогдашние монархи и члены королевских домов, например шведский король Густав III и прусский король Фридрих-Вильгельм, были масонами; почему бы Павлу, по логике многих авторов, им не быть? Более того, признавая эволюцию многих думающих и чигающих людей XVIII в. от вольтерьянства к масонству, авторы указывали на возможные параллели между Пруссией и Россией. Прусский король Фридрих II — вольтерьянец, а его сын и наследник — масон; российская императрица Екатерина II — вольте-

рьянка, тогда сыну не миновать быть масоном. Действительно, Павел довольно рано перестал быть вольтерьянцем. Но от вольтерьянства он пришел не к масонству, а к религии отцов — глубокому православию. Считаясь с этим фактом, но настаивая на масонстве цесаревича, ряд историков делает вывод о том, что масонство могло привлечь Павла Петровича не только борьбой с материализмом энциклопедистов, но и своим религиозным характером; якобы и Павел по своему душевному складу не чужд был экзальтации, мистике, даже оккультизму. Последние выводы делались авторами на том основании, что он жарко молился у икон (паркет заметно вытерт его коленями), нередко умиляясь и обливаясь слезами⁶¹, верил гаданиям. Баронесса Оберкирх в своих письмах (достоверность их, с точки зрения многих историков, сомнительна) сообщает о беспредельной вере Павла в сны и пророчества. Якобы и Михайловский замок был выстроен в результате видения, посетившего императора. Однако подобные построения показывают лишь, что Павел Петрович, как и всякий русский православный человек, не чужд был и некоторых суеверий, но никак не доказывает его склонности и масонской идеологии, ибо имеется одно кардинальное различие: отношение к церкви.

Проследить отношение Павла Петровича к христианским конфессиям удобнее всего по материалам периода после ноября 1796 г., когда оно вылилось в законченную государственную политику. Павел I предпринял ряд энергичных мер для укрепления Русской православной церкви, щедро награждая высших иерархов орденами, душами, землей, драгоценными наперстными крестами и т.п. Указом от 18 декабря 1797 г. Павел увеличил общую сумму жалованья духовенству более чем на 100%. Одновременно в 2—5 раз увеличивались земельные наделы архиерейских домов и монастырей. Улучшалось материальное положение сельских священников; 3 декабря 1798 г. он освободил их от повинностей по несению караульной службы и содержанию полиции; 11 января 1798 г. предписал прихожанам обрабатывать земли священника (церковный надел присоединялся к крестьянской запашке, а священник получал от крестьян натурой или сообразно с рыночной ценой на сельскохозяйственную продукцию). Одновременно предпринимались шаги, имевшие целью упрочить церковное влияние в массах. Отменив тяжелые штрафы за уклонение от исповеди, установленные с петровских времен, Павел I вместо них ввел церковное покаяние; 31 января 1801 г. разрешил прихожанам исповедоваться в любое удобное для них время. Павел склонен был использовать сельский клир для «успокоения» крестьян. 1 мая 1797 г. священникам император повелел «отвращать народные возмущения», при этом разрабатывались очень конкретные меры для поощрения и наказания священнослужителей в этой части.

Вообще меры по укреплению положения сельских священников весьма характерны для царствования Павла I. Указ от 22 декабря 1796 г. обеспечил будущность детей сельских священников — они направлялись на вакансии по церквам, их использовали в качестве учителей и приглашали на военную службу. Павловским законодательством облегчалось получение соответствующего образования: в 1797 г. были вновь открыты Вифанская, Брацлавская и Переяславская духовные семинарии; в 1800 г. семинарии открылись в Калужской, Оренбургской, Пермской, Саратовской и Слободско-Украинской епархиях. Более чем в пять раз увеличилось денежное содержание духовных академий в Москве, Петербурге, Киеве и Казани, заметно (примерно в два раза) увеличивались правительственные ассигнования на содержание семинарий.

Программы обучения в духовных академиях пополнились такими дисциплинами, как «полная система философии и богословия», «высшее красноречие», физика, латынь, греческий, древнееврейский, немецкий и французский языки. Двух лучших семинаристов за казенный счет могли посылать для обучения в академию. Государство пыталось контролировать и нравственный облик священно- и церковнослужителей. Специальным указом им запрещено было посещать питейные заведения.

Павел не был чужд религиозной веротерпимости, особенно по отношению к другим христианским конфессиям. Император решительно пресек гонения на старообрядцев, столь характерные для «просвещенной» Екатерины; ранее конфискованные у них книги были возвращены. Такая же терпимость была проявлена по отношению к униатам и католикам. При Павле митрополит Сестренцевич-Богущ (с 1798 г. кардинал), возглавлял специально учрежденный департамент для управления делами римско-католической церкви, по выступал за отделение католической церкви России от Рима. Павел наградил его орденом Андрея Первозванного и Иерусалимским крестом. Юстиц-коллегию при Павле возглавлял барон Гейкинг, одновременно ведавший консисториальными делами у лютеран, кальвинистов и католиков. Гейкинг полагал, что католики в России, как и во всем мире, должны признавать примат папы, в силу этого барон считался врагом Сестренцевича, что не мешало ему в высших чинах служить империи и императору. Павел заявил барону: «Я предоставляю вам самые широкие полномочия относительно ваших господ пасторов. Смотрите во все глаза и сообщайте мне; я знаю, что многие из них пропитаны духом новшеств и обнаруживают воззрения, сходные с теперешними французскими учениями. Законно существующим в моем государстве вероисповеданиям я всегда буду покровительствовать и, следовательно, и служителям их; но пусть они не уклоняются от подобающего повиновения законам, иначе я накажу их примерно, потому что они будут вдвойне виноваты»⁶². Таким образом, позиция Павла по отношению к католикам состояла в следующем: они должны подчиняться законам, а закон им покровительствует.

Павел более, чем Екатерина, «уважал традиционные структуры на окраинах империи» и не проявлял такого стремления к унификации государства, как Екатерина, чем укреплял империю. Павел отказался от применения насилия и принуждения при обращении украинских и белорусских униатов в православие. По поручению императора минский губернатор действительный статский советник Корнеев ездил по своей губернии, чтобы понять, почему народ равнодушен к православной церкви. В рапорте на высочайшее имя Корнеев предложил конкретные меры для исправления положения, главнейшая из которых состояла в следующем: «Просить Минского и Волынского архиепископа Иова разрешить служить униатским попам, *чтобы не творить никакого насилия*» (курсив мой. — Ю. С.). Павел согласился⁶³. Для сравнения: Екатерина после разделов Польши упразднила униатские епископства, и до 1796 г. по крайней мере 1,8 млн униатов было насильственно возвращено в православие⁶⁴. Павел осуждал насилие в вопросах веры, выступал за свободу совести де-факто, требуя лишь соблюдения законов.

Ничего общего с надысторической и универсальной религиозностью масонов, с их горячим отрицанием церкви и церковно- и священнослужителей мы не находим ни в конфессиональной политике императора, ни в его частной жизни.

Укажем еще на одно обстоятельство. Для европейских историков тот факт, что короли Пруссии и Швеции были масонами, никак не отразился ни на статусе этих государств, ни на проводимой ими политике, ни на судьбе их народов. Принято считать, что членство в масонских ложах осталось частным делом Густава III и Фридриха-Вильгельма. И только у отечественных историков подозрения в масонстве Павла Петровича выглядят каким-то основанием для осуждения его политики.

Масонские реминисценции, с точки зрения Пескова, можно наблюдать в коренных нравственных императивах Павла (честность, справедливость, верность), которые, наряду с его религиозностью, романтизмом и рыцарственностью, с точки зрения многих авторов, выдают в нем масона. На подобные упреки в адрес Павла Петровича проще всего ответить язвительным замечанием Милюкова: «Когда молодой писатель того времени рисует себе полный контраст с выше изображенной сатирой на "вольтерьянца", когда он стремится наделять свой идеал всеми возможными "достоинствами", у него сам собой выходит из-под пера житейский кодекс масона»⁶⁵. Мысль пре-

дельно понятна: достаточно приписать той или иной фигуре русского XVIII в. высокие достоинства, как немедленно оказывалось, что эти качества соответствуют масонскому идеалу, масонскому нравственному кодексу. Неудивительно, что под пером некоторых авторов, сочувствующих Павлу и наделявших его самыми высокими качествами, вырисовывается образ, который он без всякой иронии склонны трактовать как тождественный масонскому.

Не более убедительны указания на рыцарственность Павла Петровича. Рыцарственность и романтическая приобщенность толковались как дурные для наследника и государя качества⁶⁶. В новейшей литературе понятие «рыцарственность» реабилитировано, более того, определения «русский рыцарь», «рыцарь российской империи» не только широко используются, но даже выносятся в заглавие как сущность авторского отношения к своему герою⁶⁷.

Тем не менее эта черта Павла, наряду с якобы имевшейся у него ненавистью к Екатерине, нередко трактуется как реальный двигатель павловских реформ. Вслед за мемуаристами, считал Павла «романтическим императором» Пушкин; «коронованным Дон Кихотом» назвал А.И. Герцен. Н.Я. Эйдедьман трактовал это качество императора, во-первых, как производное от неверно понятых средневековых рыцарских кодексов чести; во-вторых, — как следствие определенным образом перетолкованных масонских идей, образов; в-третьих, — как результат влияния идей, созвучных веяниям революционного романтизма в Европе, но и неприятия буржуазной революции во Франции⁶⁸. Эйдедьман считал «рыцарственность» Павла I одним из решающих моментов, определявших его мирозерцание, качеством, повлиявшим на его внутреннюю и внешнюю политику и поэтому имевшим общероссийское значение.

Но ни романтический флер павловских писем и частных бесед, ни соответствующие поступки императора не должны скрывать сущностные начала ни в его политике, ни в самой его личности. Павел Петрович вовсе не склонен был смотреть на мир сквозь розовые очки и не пытался воевать с встрятыми мельницами. Его политика была подчинена потребностям империи и направлена на максимальную централизацию государственного аппарата, усиление личной власти монарха. С точки зрения самодержавия, она представляла собой ответ на великие идеи и принципы французской буржуазной революции с учетом российских особенностей социально-политической жизни (еще не изжитые попытки сановной фронды ограничить самодержавие, усилившиеся крестьянские волнения, отсутствие единого законодательства и пр.).

Объективное содержание политики Павла I не приходится считать утопией. Однако методы ее проведения, ориентированные на чрезвычайную скорость превращения задуманного в жизнь и «железную лозу», основывались на известном пренебрежении к личной свободе и правам дворянина. Эти методы можно признать утопичными, но лишь постольку, поскольку вообще утопичны попытки любой центральной власти добиться политической стабильности и динамичного развития государства путем «закручивания гаек», репрессий, подавления личной свободы. Что же касается форм, в которые Павел облачал свои начинания, то они вполне традиционны для России и не отличаются заметно ни от предшествующего, ни от последующего царствований. Более того, романтическая струнка, хоть и не чужда была Павлу, вовсе не определяла его натуру. Он был более джентльмен, чем средневековый рыцарь. Почтительность и любезность с дамами, умение помнить свои обещания, стремление поступать сообразно законам и правилам, им же установленным, отмечают у Павла многие современники и трактуют их как проявление «рыцарства времен прошедших». Здесь сказывались скорее особенности характера, французское воспитание государя, влияние придворного этикета, нежели некие мистические обряды. Нет других подтверждений романтического рыцарского мировоззрения Павла I, кроме высказываний мемуаристов да двух-трех словечек самого императора.

Конец XVIII — начало XIX в. — время увлечения идеалами рыцарского средневековья. Ритуалы рыцарства внедрялись в придворную жизнь. Конные

рыцарские ристалища («карусели») с заметами на механическую карусель прижились при русском дворе. Первое подобное действо состоялось на Царском лугу в Петербурге в 1766 году. В его честь была выбита золотая медаль, на одной стороне которой была изображена императрица Екатерина II, на другой — само ристалище с парящим орлом. Действо повторилось 20 и 25 июня 1811 г., при Александре I. Всякий раз избирался победитель, провозглашавший королеву и пр.⁶⁹ Между тем при Павле подобных светских забав не существовало. Из этого можно видеть, что некая рыцарственность, сопровождаемая соответствующими играми и церемониями, характерна не только для павловской эпохи и для Павла. При такой тяге к рыцарственности, пришлось бы либо отнести к масонам всех ее носителей от Екатерины II до Александра II, либо перестать считать Павла I масоном на основании его рыцарственности, да еще и дурно истолкованной.

Принятие Павлом Петровичем под свое покровительство Мальтийского ордена историки прежде всего ставят в вину ему именно в силу его рыцарственности. По мнению О.П. Ведьмина, в XVIII в. Мальтийский орден трансформировался в масонство. Для такого заключения оказалось достаточно того, что А.Н. Пыпин в публицистической статье указал на некоторое частичное сходство мальтийского рыцарства с масонством тамплиеров, а Соколовская отметила близость обрядов Мальтийского ордена к обрядам высших рыцарских степеней шведского масонства⁷⁰. Такие параллели сами по себе ничего не доказывают, а между тем принятие Мальтийского ордена под русское покровительство вполне объяснимо политическими реалиями.

Появление мальтийских рыцарей в России связывают с именем Юлия Репато (Юлия Помпеевича в православии) Литты. Он родился в Милане в 1763 г. в весьма знатном семействе; с 17 лет записан в мальтийские рыцари, много воевал на море. В январе 1789 г. с рекомендациями гроссмейстера герцога Рогана поступил на русскую службу и командовал легкой гребной флотилией на Балтике. За первое Роченсальмское сражение (1789 г.) получил орден св. Георгия, золотую шпагу с надписью «За храбрость» и чин контр-адмирала, однако год спустя уволился с русской службы. В 1795 г. Литта по поручению Рогана прискал в Петербург хлопотать о возвращении Мальтийскому ордену доходов с Острожского приорства⁷¹ и был принят «как старый друг», однако денег не получил. В 1798 г. Литта принял русское подданство и Павел I пожаловал его графским титулом и командорством, но через полгода из-за конфликта с Ф.В. Ростопчинным последовало увольнение «без прошения» в отставку. Вскоре он был возвращен, но служба сделалась Литте неинтересна. После того как ему удалось устроить доходы от имения жены и уплатить все долги, вполне счастливая и обеспеченная частная жизнь оказалась более привлекательной. В 1811 г. Александр I назначил Литту членом Государственного совета, Николай I сделал графа обер-камергером (по службе ему был подчинен камер-юнкер А.С. Пушкин) и пожаловал орден Андрея Первозванного. В 1839 г. Николай I присутствовал на похоронах бывшего командора, честно послужившего четырем российским императорам⁷².

Ни в жизненном пути, ни в деяниях графа Литты не было ничего такого, что позволило бы судить о нем как об «авантюристе», «политическом проходимце», «шарлатане». Литта действительно пытался убедить императора Павла I в том, что Мальтийский орден может стать своеобразным оплотом христианства против неверия и защитником монархии против якобинства. При таком подходе («борьба с неверием») известное противоречие между православием и католицизмом отступало на второй план. Литта доказывал, что Россия могла бы, опираясь на структуры ордена, объединить дворянство Европы, вне зависимости от национальности и подданства, в борьбе с французской революцией. Павел I, желавший противопоставить русское влияние в Европе французскому, а равно обосноваться твердо на Мальте, чтобы иметь в Средиземном море надежную базу, заключил с гроссмейстером мальтийских рыцарей конвенцию. Польское гранд-приорство уничтожилось, вместо него утверждалось Великое Приорство Российское, состоявшее из десяти ко-

мандроств, на содержание которых отпускалось 300 тыс. флоринов. По конвенции, гранд-приорство и командорство не должны были «ни под каким видом жалованы быть кому-либо иному, кроме подданных империи»⁷³. Своим указом Павел установил правила управления имениями, отошедшими к командорствам Мальтийского ордена. В частности, командор не мог претендовать на получение большего денежного оброка, чем платили казенные крестьяне по последней ревизии; не имел права «заводить фабрики и заводы»; не имел права сводить леса, а тем более торговать лесом; строжайше запрещались всякого рода сделки с имениями, входящими в командорство, в том числе сдачи их в аренду; в деревнях сельскохозяйственные угодья делились таким образом, чтобы крестьянам отходило 2/3 земли, а владельцу 1/3 и т.д.⁷⁴

В знак благодарности Роман прислал в Петербург орденскую святыню — крест, который носил один из самых знаменитых мальтийских рыцарей Ла Валетт, и предложил Павлу I сделаться «протектором», то есть покровителем, защитником ордена, на что император дал согласие. 11 января 1799 г. появился указ о создании корпуса кавалергардов, шефом которого назначался Литта, а лейтенантом — князь В.П. Долгоруков, который и занимался формированием личного состава корпуса. После отставки Литты он возглавил корпус. На основе этого корпуса учреждался «двор великого магистра державного ордена св. Иоанна Иерусалимского». Служить в корпусе могли унтер-офицеры конной гвардии, а также «служащие в присутственных местах при письменных делах, имеющие чин коллежского регистратора». Привлекались и недоросли, преимущественно из Малороссии. Штаб-, обер- и унтер-офицеров, назначенных в корпус кавалергардов, Павел I жаловал в мальтийские рыцари. Других мальтийских рыцарей, кроме кавалергардов, по большому счету, в России никогда не было. С 1800 г. корпус, преобразованный в полк, поступил в общий состав войск России, с неизменными требованиями дисциплины, подчинения уставам и пр., удержав единственную привилегию: при венчании на царство российских монархов стража у трона назначалась только из кавалергардов⁷⁵.

Изгнание папы Пия VI из Рима и оккупация Мальты французами, удавшаяся им, из-за бездействия гротсмейстера Гомпеша, очень легко, имели значительные последствия. Папа лишил его гротсмейстерства, что вызвало одобрение большинства мальтийских рыцарей. Тогда-то и возникла идея предложить гротсмейстерство протектору ордена. 29 ноября 1798 г. в Георгиевском зале Зимнего дворца Литта от имени Капитула (Совета) ордена торжественно провозгласил Павла I гротсмейстером («гранд-метром»), поднеся соответствующие акт и регалии.

Мальтийские рыцарские обряды в России, за участие в которых Павла так часто упрекали, действительно соблюдались. При участии Павла I, императрицы Марии Федоровны, наследника Александра Павловича и при огромном скоплении народа проходил главный орденский праздник — обряд сожжения костров накануне Иванова дня. Не участвовать в подобных церемониях гротсмейстер и протектор ордена, конечно, не мог. Захват Мальты Англией стал одной из причин резкого ухудшения русско-английских отношений, что в конечном счете привело к заговору и цареубийству в ночь на 12 марта 1801 года.

Таким образом, у Павла к мальтийским рыцарям была прежде всего «любовь политическая», в руководстве ордена состояли только русские подданные, большинство мальтийских рыцарей в России считали своим родным украинский язык. Параллели же между мальтийцами и масонами стали вовсе неуместными — не зачислять же в масоны всех офицеров-кавалергардов, пожалованных в мальтийские рыцари.

Некоторые авторы, в частности Вельмин, полагают, что Павлу принципиально были чужды краеугольные камни будущей теории официальной народности: православие, самодержавие, народность, — на том основании, что Павлом I создана «самодержавно-масоно-рыцарская идеология»⁷⁶.

Петр I отказался от самодержавной модели власти и попытался заменить ее иной моделью, основанной на идеях просвещения. Енсе Д.А. Хомя-

ков указывал: «Вся суть реформ Петра свелась к одному — к замене русско-го самодержавия абсолютизмом. Самодержавие, означавшее первоначально просто единодержавие, становится с него римско-германским императорством... Царь есть «отрицание абсолютизма» именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которые служат той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной»⁷⁷. Кризис абсолютистской модели власти и в еще большей степени ее идеологического обоснования, проявившиеся вполне наглядно в 1775 - 1793 гг., заставили Павла Петровича искать новые начала в управлении империей. Он нашел их в самодержавии, то есть в той идее власти, идеологической основой которой являлось православное мировоззрение. Русские православные люди XVIII в., и Павел Петрович в том числе, разумели под православием, самодержавием и народностью вовсе не то, что современнейший историк, но это еще не основание, чтобы отрицать наличие этих принципов в деятельности Павла. Впрочем, Вельмин прав, когда указывает, что идеология при Павле была самодержавной.

На историческую роль Павла I и его реформ в плане возвращения к самодержавным началам и православным ценностям указывал и И.Л. Соловьев, видевший в царствовании Павла Петровича некое воплощение идеала «народной монархии». Во многом прав историк начала XX в. В.И. Вильняков, заметивший, что вне православия невозможно понять ни личность, ни деяния Павла⁷⁸.

Многие современные авторы должны разделить ответственность за логику научного исследования, подобную логике Г.И. Чулкова: «Насколько Павел был «уловлен» Новиковым, мы не знаем. Мы не знаем также, когда именно Павел был «посвящен», однако едва ли можно сомневаться в том, что он был посвящен»⁷⁹. Подобная уверенность в масонстве Павла Петровича вряд ли будет поколеблена какими бы то ни было рациональными доводами.

Причастность его к масонам не только не доказана, но и не может быть доказана на основании имеющихся источников. Равным образом нет причин считать русских масонов XVIII в. врагами православия, церкви, империи и т.п. Куда более глубоко оценивал деятельность «вольных каменщиков» в России XVIII в. Пушкин. В статье «Александр Радищев» он указывал: «В то время существовали в России люди, известные под именем *мартинистов*. Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полу-политическому, полу-религиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличала их от поколения, которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды... Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брезгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фран-масонских ужинах»⁸⁰. «Коварное злословие» — так определил национальный гений наветы на масонов XVIII в., не изжитые и по сей день.

Примечания

1. См., например: СОЛОВЬЕВ О.Ф. Масонство в России. — Вопросы истории, 1988, № 10; СТАРЦЕВ В.И. Русские масоны XX века. — Там же, 1988, № 6; ХАСС Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века. — Там же, 1990, № 1; и др.
2. НИКОЛАЕВСКИЙ Б.И. Русские масоны и революция. М. 1990; БАКУНИНА Г.А. Знаменитые русские масоны. М. 1991; Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1—2. М. 1991; ЛОШИНОВ М.Н. Новиков и московские мартинисты. СПб. 2000; ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб. 2001; и др.
3. Масонство и масоны. Вып. 1. М. 1994.
4. МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ. Послание о масонстве. В кн.: НИКОЛАЕВСКИЙ Б.И. Ук. соч. Приложения, с. 173.

5. ЛОПАТИН В.С. Суворов не был масоном. В кн.: ИВАНОВ О.А., ЛОПАТИН В.С., ПИСАРЕШКО К.А. Загадки русской истории. Восемнадцатый век. М. 2006, с. 149—151. Надуманное построение: Павел потому масон, что наложил опашу на Суворова, Лопатина не смущает.
6. ПЕСКОВ А.М. Павел I. М. 1999, с. 344.
7. ХАСС Л. Ук. соч., с. 25.
8. Тетушка Г.Р. Державина Ф.С. Блудова считала масонов «отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют». Редкая работа современных авторов обходится без пересказа этой цитаты из мемуаров Державина. Обычно мысль Блудовой подается как своеобразный «Voix populi».
9. ПУШКИН А.С. Заметки и афоризмы разных лет. В кн.: ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч. Т. 12. М. 1996, с. 178.
10. ДАТЬ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб. 1996, с. 532.
11. ПЫПИН А.Н. Русское масонство. Пг. 1916, с. 96.
12. БЕРДЯЕВ Н.А. Жозеф де Местр и масонство. В кн.: Масонство и русская культура. М. 1998, с. 92.
13. ЗАФЕСОВ Г.Р. Тайные рычаги власти. М. 1984.
14. ПЛАТОНОВ О.А. Тайная история масонства. Док-ты и м-лы. Т. 1—2. М. 2000.
15. См., напр.: ХУДУШЕВА И.Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства. М. 1995; МИКЕШИН М.И. М.С. Воронцов. В кн.: Философский век. Вып. 2. СПб. 1997; ЮРКОВ С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре. СПб. 2003.
16. ПУСТАРНАКОВ В.Ф. Масоны. В кн.: Исторический лексикон. XVIII век. М. 1996, с. 489—493.
17. Поистине причины привлекательности Вольтера и вольтерьянства: «В его трактатах и романах просвещенная молодежь находила привлекавший ее дух скептицизма и иронии, сочетавшийся с культом гедонизма и чувственных удовольствий» (ЮРКОВ С.Е. Ук. соч., с. 109).
18. МИЛЮКОВ П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М. 1995, с. 341.
19. См. подробнее: ЮРКОВ С.Е. Ук. соч., с. 110—111.
20. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 342.
21. Философский энциклопедический словарь. М. 1983, с. 120.
22. Справедливости ради отметим, что у вольтерьянца была еще одна возможность: покинуть Петербург, уехать в деревню и там закопаться в своем скептицизме. «Екатерининский вольтерьянец Свой празничный век в деревне пробрюзжал», — со знанием дела писал М. Волошин. По данным Н.Д. Чечулина, финал у вольтерьянца был трагичен: меланхолия, мизантропия, даже самоубийство. (См.: ЧЕЧУЛИН Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб. 1889, с. 78).
23. ГЕШТЕР М. История российской империи. Т. 2. М. 2001, с. 137.
24. См. подробнее: МАДАРИАГА И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М. 2002, с. 836—837.
25. Тайная история масонства. Док-ты и м-лы. Т. 1. М. 2000, с. 362.
26. Там же, с. 361.
27. ЗЕНЬКОВСКИЙ В.В. История русской философии. В кн.: Масоны и русская культура. М. 1998, с. 64—65.
28. См. подробнее: МИКЕШИН М.И. Ук. соч., с. 163.
29. ЗАФЕСОВ Г.Р. Ук. соч., с. 17.
30. ГЕШТЕР М. Франмасонство в России. В кн.: Тайная история масонства. Т. 1. М. 2000, с. 364.
31. Русская православная церковь против масонства. Там же, с. 12—205.
32. Аббат БАРИОЭЛЬ. О злоумышлениях и тайнствах масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. Там же, с. 392—431.
33. ЮРКОВ С.Е. Ук. соч., с. 117—118.
34. Там же, с. 118—121.
35. ХАСС Л. Ук. соч., с. 26.
36. Цит. по: ОЛЬХОВСКИЙ Е.Р. Тайны и авантюры в российской истории. СПб. 2003, с. 120.
37. ПУСТАРНАКОВ В.Ф. Ук. соч., с. 496.
38. ГЕШТЕР М. Ук. соч., с. 364.
39. ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Ук. соч., с. 295; ХАСС Л. Ук. соч., с. 26.
40. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 370.
41. ХУДУШЕВА И.Ф. Ук. соч., с. 143.
42. ЛОПТИНОВ М.И. Ук. соч., с. 356.
43. ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Ук. соч., с. 121.
44. Там же, с. 295.
45. Там же, с. 296.
46. Там же, с. 501—502.
47. Там же, с. 297.
48. Русская старина, 1901, № 30, с. 84.
49. БАКУНИНА Т.А. Ук. соч., с. 49.
50. ШУМИГОРСКИЙ Е.С. Император Павел I и масонство. В кн.: Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. М. 1991, с. 141—142; СЕРГЕЕВ В.И. Павел I. Ростов н/Д. 1999, с. 328.
51. ШУМИГОРСКИЙ Е.С. Ук. соч., с. 142.
52. Министерство полиции как центральное административно-полицейское учреждение существовало в 1810—1819 гг.; его особая канцелярия вела надзор за деятельностью масонских лож (Государственность России. Кн. 3. М. 2001, с. 90).
53. ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Ук. соч., с. 307.
54. ШУМИГОРСКИЙ Е.С. Ук. соч., с. 146.
55. Русская старина, 1874, т. 9, с. 157—158.
56. ХАСС Л. Ук. соч., с. 28—29.
57. Видный русский масон Шредер в беседах с одним из руководителей германских масонов Вельнером получил от «брата» совет: великого князя можно принять в орден. При этом предполагалось, что Павел станет провинциальным гроссмейстером Восьмой автономной провинции ордена розенкрейцеров (ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Ук. соч., с. 309с.). Однако в некоторых публикациях Павел уже фигурирует как провинциальный гроссмейстер в списках Главного совета (капитула) русской провинции. Предполагаемое впрочем выдается за действительно бывшее.
58. Приведем выдержки из документов следствия. Шумигорский съехал на сборник Русского исторического общества (т. 28, с. 398—399). Этот том посвящен финансовой политике Екатерины, и на указанных Шумигорским страницах помещена записка, представленная императрице генерал-прокурором князем Вяземским о недостатке (то есть дефиците) бюджета.
59. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 373.
60. БАКУНИНА Т.А. Ук. соч., с. 50.
61. Апофеозом православия многие исследователи считают 1645—1652 годы. По общему мнению, это было время «слезливое, умильное, созерцательное, но несущее в себе трезвости (сильны от Духа Святого)». Подобные чувства, очевидно, испытывал и Павел Петрович.
62. Русская старина, 1887, т. 56, с. 378.
63. Русский архив, 1869, сб. 1561—1563.
64. КАПЕЛЕР А. Россия — многонациональная империя. М. 1997, с. 65.
65. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 346.
66. Например: ВЕДЬМИН О.П. Масоны в России. Кемерово. 1998.
67. См.: ЗАХАРОВА О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М. 2001. Р. Уортман полагает, что «Николай I не прозяб бы вести себя как рыцарь. Его любовь к императрице подавалась как благородный акт самоабиепной преданности». И далее: «Александр II был рыцарем, покровительствующим беспомощному существу (будущей жене. — Ю.С.)» (УОРТМАН Р. Сценарии власти. М. 2002, с. 345, 486). Подобную метаморфозу — признание рыцарственности Павла явлением глубоко положительным — пережили и младшие современники Павла Г. Н. И. Греч в мемуарах осуждал те качества Павла Петровича, которые можно обозначить как рыцарские. Но когда 1 августа 1851 г. состоялась церемония открытия статуи Павла в Гатчине, Греч, рассказывая читателям «Русского художественного листка» об этом событии, писал, что русские люди видят в статуе «лик государя, который водворил с собой на троне любовь к порядку, уважение ко всему достойному уважения, строгую справедливость и нелицеприятную грозную кару пороку, беспредельную щедрость заслуге и достоинству»; а конце XVIII в. Россия «вознеслась еще выше, сделавшись не покорительницею, а защитницею народов, употребив грозные силы свои на великодушные, бескорыстное вспоможение слабым против сильных, утеснением против утеснителей, правым против неверных, верующим против нечестивцев» (ГРЕЧ Н.И. Открытие памятника императору Павлу Петровичу в Гатчине. — Русский художественный листок, 1851, № 32, с. 1.). Под пером Греча Павел предстает настоящим рыцарем.
68. ЭЙДЕЛЬМАН Н.Я. Грань веков. М. 1986, с. 72—76.
69. ЗАХАРОВА О.Ю. Светские церемониалы в России. М. 2001, с. 106—112.
70. ВЕДЬМИН О.П. Ук. соч., с. 26.
71. В 1773 г. по соглашению держав, учествовавших в разделе Польши, устанавливалось польское приорство ордена св. Иоанна Иерусалимского с шестью командорствами. Центром его стал г. Острог, на содержание польского приорства полагалось 180 тысяч флоринов.хлопотать об этих деньгах и приехал Литва в Россию в 1795 году.
72. См. подробнее о жизни Литвы: БОНДАРЕНКО А.Ю. Капалергарды. М. 1997, с. 211—215.
73. Конвенция, заключенная между его величеством императором всероссийским и державным орденом Мальтийским и его пресимуществом гроссмейстером. СПб. 1798.
74. Полное собрание законов Российской империи, 1-е. Т. 24, № 17946.
75. БОНДАРЕНКО А.Ю. Ук. соч., с. 48—51. Нижний состав полка, то есть двора мальтийских рыцарей, формировался после этого за счет армейских кирасирских полков, а офицеры переводились из Конной гвардии (там же, с. 52). Других же мальтийских рыцарей в России не было.
76. ВЕДЬМИН О.П. Ук. соч., с. 198.
77. ХОМЯКОВ Д.А. Православие, самодержавие, народность. Минск. 1997, с. 103.
78. ВИШНЯКОВ В.И. Император Павел I. Пг. 1916, с. 8.
79. ЧУЛКОВ Г.И. Император Павел I. В кн.: Императоры. М. 2001, с. 42.
80. ПУШКИН А.С. Александр Радищев. В кн.: ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч. Т. 12. М. 1996, с. 31—32.